

КУЛЬТУРА

А.Я. ФЛИЕР

**Культурная компетентность личности:
между проблемами образования и национальной
политики**

Какими бы высокими словами мы ни пытались обозначить задачи образования по трансляции знаний, воспроизводству культуры, ее ценностей и традиций, нам неизбежно придется признать, что образование прежде всего воспроизводит *существующий общественный порядок*, подготавливая социализированных, компетентных и по возможности лояльных участников коллективной жизни, соблюдающих нормы, правила и законы, принятые в данной стране. Разумеется, в разных сообществах складываются разные критерии лояльности и социальной адекватности личности. Тем не менее трудно представить себе настолько плюралистичную общественную систему, где бы действовали учебные заведения, легально готовящие нарушителей и ниспровергателей господствующих в данном государстве порядков. Как бы образование ни было деидеологизированным, оно не может быть полностью изолированным от решения задач социального воспитания личности, более или менее адаптированной к действующим нормам общественного порядка.

Собственно, на признании самоценности феномена социального порядка как одной из определяющих сторон культуры всякого сообщества строится современное культурологическое понимание места *элиты* в системе иных социальных страт. Элита - это группа, не только наиболее обеспеченная, образованная, утонченная, имеющая приоритетный доступ к комплексу социальных благ и т.п., но главным образом выполняющая *функцию поддержания и воспроизводства существующего общественного порядка* и связанной с ним системы культурных норм, регулирующих поведение и сознание людей. Хочу подчеркнуть, что эта элитарная функция не только политическая, но в такой же мере и *культурная*, хотя сама элита нередко является лишь ее социальным заказчиком, а исполнителем - интеллигенция. С этой точки зрения показательно, что интеллигенция, будучи непосредственным производителем и транслятором культурных текстов, эталонных для данной общественной системы, сама в категорию политической элиты, как правило, не вписывается.

Таким образом, добровольно, за плату или под угрозой репрессий интеллигенция создает эталонные для данного общественного порядка культурные тексты, манифестирующие и систематизирующие то, что он - порядок - хочет от людей. Разумеется, речь идет не о "грубых" пожеланиях власти, вводимых методами насилия, но о

Флиер Андрей Яковлевич - доктор философских наук, культуролог.

добровольной конвенции между личностью и властью, обещающей человеку безопасность, гарантированность прав, расширение доступа к материальным и духовным благам как вознаграждение за политическую лояльность и социальную адекватность. Замечу, что подобная политика по отношению к согражданам свойственна не одним лишь тоталитарным режимам, а любой сколь-либо вменяемой власти (уровень вменяемости которой как раз измеряется ее способностью сводить до минимума масштабы услуг полиции, компенсируя это расширением услуг интеллигенции и действенностью создаваемых ею культурных текстов).

Сами культурные тексты при этом могут относиться к различным жанрам, будучи религиозными, философскими, научными, художественными, публицистическими. Одним из наиболее эффективных комплексов такого рода текстов, работающих на воспроизводство актуального общественного порядка, является содержание образования.

Следует заметить, что в отличие от естественнонаучного и технического знания, социокультурное образование сконцентрировано не столько на *объекте, предмете и технологии* социальной практики и познания, сколько на ее *субъекте* — человеке. Оно исследует мотивационные, социально-организационные, регулятивные, информационно-коммуникативные и инновативно-творческие аспекты, а также интерпретативно-оценочные критерии его деятельности, что в целом аккумулируется в совокупном социальном опыте людей, составляющем основу их *культуры*.

Одним из важнейших направлений повышения эффективности при решении пересеченных задач образования является его *культурологизация*, т.е. введение элементов систематизированного культурологического знания во все сегменты как общего, так и специального образования, а также подготовка специалистов-культурологов, ориентированных на решение соответствующих образовательных задач.

Хотя содержание общего образования формируется из сочетания многих предметных областей, на самом деле по совокупности речь идет о комплексном обучении человека самой тривиальной и одновременно самой экзотической из всех специальностей - *профессии полноценного члена общества*. Подобный комплекс систематических знаний и представлений, умений и навыков, традиций и ценностных ориентации может быть назван системой *культурной компетентности личности*.

Это понятие означает прежде всего ту условно достаточную степень социализированности и инкультурированности индивида в обществе проживания, которая позволяет ему свободно понимать, использовать и вариативно интерпретировать всю сумму обыденных (неспециализированных) знаний, а отчасти и специализированных, но вошедших в обиход, составляющих *норму общесоциальной эрудированности* человека в данной среде, сумму правил, образцов, законов, обычаев, запретов, этикетных установок и иных регулятивов поведения, вербальных и невербальных языков коммуницирования, систему общепринятых символов, мировоззренческих оснований, идеологических и ценностных ориентации, непосредственных оценок, социальных и мифологических иерархий и т.п. Культурная компетентность личности может быть охарактеризована и как определенного рода утонченность параметров ее *социальной адекватности* среде проживания, и как идеальная форма проявления этой адекватности.

В этом сложном феномене можно выделить по крайней мере четыре структурные составляющие:

- компетентность по отношению к *институциональным нормам* социальной организации - основным социальным институтам, экономическим, политическим, правовым и конфессиональным структурам, учреждениям, установлениям и иерархиям; этот уровень компетентности обеспечивается в основном специализированными учебными дисциплинами общеобразовательного цикла - экономикой, политологией, правоведением, обществоведением;

- компетентность по отношению к *конвенциональным нормам* социальной и культурной регуляции - национальным и сословным традициям, господствующей морали, нравственности, мировоззрению, ценностям и **оценочным критериям, нормам** этикета,

обычаям, обрядам, обыденной эрудиции в социальных и гуманитарных знаниях, что обеспечивается в учебном процессе в основном такими дисциплинами, как история, философия, социология, этнология, искусствоведение, этика, эстетика и др.;

- компетентность по отношению к кратковременным, но остроактуальным *образцам социальной престижности* - моде, имиджу, стилю, символам, регалиям, социальным статусам, интеллектуальным и эстетическим течениям и пр.; обучение компетентности такого рода, как правило, растворено в элементах многих гуманитарных дисциплин, но может быть обеспечено и специальными факультативными курсами:

- компетентность, выраженная в уровне полноты и свободы владения *языками социальной коммуникации* - естественным разговорным (устным и письменным), специальными языками и социальными (профессиональными) жаргонами, языками принятых в данном обществе этикета и церемониала, политической, религиозной, социальной и этнографической символикой, семантикой атрибутики престижности, социальной маркировки и пр.; знания в этой области учащимся дают прежде всего дисциплины лингвистического и исторического циклов.

Разумеется, существенную часть элементов такого рода культурной компетентности человек усваивает еще с детства и постоянно корректирует ее в ходе общения с окружением на протяжении всей жизни. В формировании представлений человека о правилах бытового общежития и нормах социального взаимодействия с другими людьми решающую роль играют навыки, полученные в процессе воспитания в семье. Социальную, историческую и художественную фактуру, в которой эти правила воплощаются и выражаются, человек изучает главным образом в средней школе, вычитывает в художественной, философской и иной литературе, усваивает из произведений искусства, получает по каналам СМИ и т.п. По существу, почти все-смысловое наполнение сказок и назидательных поучений для детей, содержание уроков истории, литературы и других гуманитарных предметов в школе, точно так же, как и основное содержание большинства религиозных учений и существенная часть философии, посвящены описанию поучительных примеров правильного и предпочтительного социального поведения и отношения к людям (это называется "добром") и неправильного, осуждаемого поведения (называемого "злом").

Совершенно очевидно, что содержание образования и черты выстраиваемой культурной компетентности человека должны соответствовать социокультурному типу данного общества и воспроизводить личность, более или менее модальную для данного типа. Причем одной из самых сложных задач для системы образования является не столько эффективность методики и сложность организационных форм собственно обучения, сколько *адекватное понимание наиболее существенных типологических признаков и черт той культурно-ценностной системы, которая реально доминирует в обществе*, заказывается правящей элитой и должна реализовываться в социальной практике. Иначе говоря, проблема образования не в *методе обучения*, а в *той культурной типологии*, которую оно должно воспроизводить.

Среди множества оснований, выделяемых современной наукой для построения исторических культурных типологий, мне представляется весьма эвристичной классификация, базирующаяся на *типе социальной солидарности (или консолидации) и соответствующих ему основаниях социокультурной идентичности человека*, характерных для того или иного общества. Например, кровно-родственная или территориально-соседская солидарность и идентичность в архаическую эпоху, преимущественно сословные и политико-религиозные принципы социальной консолидации и самоопределения людей в доиндустриальных городских цивилизациях, а для буржуазных индустриальных обществ наиболее характерна солидарность и идентичность, основанная на этнонациональных политико-экономических интересах. В конечном счете всякая устойчиво воспроизводимая система общественного порядка и есть тип социальной солидарности, реализуемый в данном обществе. Более того, среди прочих можно считать вполне корректным определение культуры в целом как *системы норматив-*

ных конвенций, обслуживающих тот или иной тип социальной солидарности и социокультурной идентичности людей. Разумеется, это далеко не единственная возможная дефиниция культуры; просто в данном случае речь идет именно об этой ее социальной функции.

Таким образом, перед отечественным образованием встает очень сложная задача определения того, какого рода культурная компетентность требуется ныне живущим и следующим за нами поколениям россиян, т.е. какой социокультурный тип общества с соответствующими параметрами социальной солидарности и личностной идентичности наше образование должно обеспечивать.

В современных развитых обществах, которые принято называть постиндустриальными, в последние десятилетия просматривается тенденция к определенной эволюции социокультурной типологии, в том числе по параметрам оснований социальной солидарности, социокультурной идентичности и статусных характеристик личности. Эта тенденция обычно характеризуется как транслокальная, направленная на преодоление исторической инерции солидарности конфронтационного типа (т.е. когда "наши" выявляются только через оппозицию к "ненашим"), стремящаяся к мультикультурному синтезу различных культурных установок и черт Запада и Востока, высоких технологий и архаических традиций, разнообразных информационных кодов, культурных языков и т.п.

Одной из важнейших черт этой тенденции является поиск технологий так называемых "мягких социальных взаимодействий", выражающихся во всемерном развитии систем социального участия, общественных связей, политкорректности, социально-культурной и социально-психологической реабилитации людей, испытывающих трудности в общении, а также того направления образовательно-воспитательной деятельности, которая в нашей стране получила название "социальная педагогика". Отчасти с этой направленностью корректировки социальных отношений связано и всеобщее увлечение психоанализом, стремлением людей снять свою подсознательную склонность к агрессии не средствами уличного хулиганства, а с помощью специалистов-психологов. Основания для общественной консолидации при этом просматриваются преимущественно как экономико-социальные, базирующиеся на избыточном производстве различных социальных благ, что теоретически должно снимать проблему социальной конкуренции (как при коммунизме) и объединять людей в возрастающей динамике потребления этих благ (как при капитализме).

Великолепную концептуальную идею на этот счет высказал В. Гавел, считающий, что одной из основ конфронтационности между локальными группами является искусственная (главным образом идеологически мотивируемая) абсолютизация какой-то одной черты социальной самоидентификации (например, только этнической или только религиозной), тогда как одновременная равнозначность таких идентифицирующих признаков может стать серьезным основанием для снятия конфронтационной потребности в отношениях между людьми и сообществами. На практике, конечно, до подобной социальной идиллии еще далеко, а вот проблема снижения культурной конфронтации и напряженности в развитых обществах, становящихся все более многонациональными, судя по всему, начинает сдвигаться с "мертвой точки" (в том числе благодаря средствам массовой культуры во всем многообразии ее проявлений - от художественных и религиозных до стандартизации параметров моды, имиджа, гендерного спроса, знаменитой "политкорректности", запрещающей называть негра негром, и т.п.).

Другим важнейшим условием становления новой социокультурной идентичности гражданина современного общества является понижение социальной значимости традиционных статусных маркеров личности, таких как сословное происхождение, национальность, раса, вероисповедание. Эти признаки, ранее игравшие большую роль в формировании социального положения и определении ролевых функций человека, постепенно вытесняются в нишу сугубо приватных личностных проявлений, вкусов и пристрастий, в то время как основными статусообразующими характеристиками лич-

ности становятся параметры ее профессионализма: образованность, специализированность, квалификация, актуальность профессии и динамика должностного роста. Поэтому основными составляющими социокультурной компетентности человека в подобном обществе становятся не столько знания классических образцов гуманитарной культуры (это знание постепенно вытесняется из области общей эрудиции личности также в зону сугубо профессиональной компетентности), сколько психологическая мобильность и коммуникабельность индивида, его социальная адаптивность и культурная толерантность.

Хочу подчеркнуть, что перечисленные характеристики вовсе не отменяют функционирования более традиционных черт культурной компетентности; последние просто понизили уровень своей общесоциальной значимости, оказались оттесненными преимущественно в сферу частных межличностных взаимоотношений между людьми.

Разумеется, современная Россия еще очень далека от такого уровня социокультурной трансформации. Сегодня мы фактически вернулись к решению задач середины прошлого века: формированию устойчивой национальной политико-экономической системы. Отсюда и актуальные параметры личностной культурной компетентности современных россиян, которые должна закладывать образовательная система, в принципе близки к эпохе становления буржуазных наций. Вопрос и том, *кто* и *как это* будет делать: национал-патриоты (вне зависимости от цвета их знамен) или люди, трезво отдающие себе отчет в том, что культура - это одно из самых универсальных оснований для массового насилия? Ведь история свидетельствует: путь от защиты национальной самобытности культуры до открытия Освенцима и Дахау на самом деле очень короток. Й. Геббельс тоже начинал с культуртрегерства.

Этот набор образов, знаний, эмоциональных привычек и тяготений этно- и социально-культурного самоощущения складывается на протяжении всей жизни человека, однако его самые яркие составляющие, несомненно, формируются в сознании и подсознании еще в детско-юношеском возрасте, в процессах воспитания и обучения. Как правило, намерения по формированию такого рода комплексов консолидирующего самоощущения у учащихся более или менее откровенно декларируются в целях и содержании учебных программ по национальной истории, литературе и родному языку, географии, социологии, антропологии, религии, истории искусства и т.п. в большинстве стран мира.

В конечном счете образование и воспитание закладывают в сознание человека именно те особенности консолидирующего чувства, образцы поведения и мироощущения, образы и нормы идентичности и солидарности, которые *наиболее актуальны на данном историческом этапе развития общества*, соответствуют культурным традициям и нормам его социального воспроизводства, принципам социализации и инкультурации его членов. Безусловно, в разные периоды истории и в разных сообществах наблюдалась и различная актуальность тех или иных форм манифестации личностью ее единства и солидарности с обществом проживания, что находило соответствующее отражение в содержании образования и воспитания.

В дальнейшем при рассмотрении этого вопроса мы будем использовать понятие "национальное воспитание", имея в виду не только этнический аспект слова "национальный", но в равной мере совокупность его социально-классовых, функционально-профессиональных, политико-идеологических, религиозных и иных аспектов, играющих существенную роль в формировании, поддержании и воспроизводстве социокультурного единства коллектива.

В первобытную эпоху, как свидетельствует этнография, социальная идентичность человека определялась преимущественно *по языку*, на котором он говорил, и *потому*, свидетельствовавшему о его происхождении из того или иного рода. На стадии разложения первобытного строя (эпоха "варварства") в комплексе маркеров социальной идентичности индивида постепенно начали набирать силу признаки его *политической и религиозной* принадлежности, т.е. добровольного членства в данном племени, подчинения его обычаям и нравам, а также ритуалам племенного религиозного

культы. При этом "национально ориентированное" обучение и воспитание детей заключалось в усвоении ими языка племени, социальных и культовых обрядов и ритуалов, обычаев, нравов и этикета, мировоззренческих и ценностных установок, т.е. всего комплекса черт обыденной культуры, которые принято называть *этнографическими*.

На следующей стадии социокультурного развития, которую можно назвать **сословной** или эпохой **доиндустриальных городских цивилизаций** (по более привычной для нас формационной схеме этому периоду соответствуют рабовладение и феодализм), вопрос об этнических признаках человека не то чтобы не возникал вообще, но отличался некоторой "размытостью", быть может, в силу своей незначительной актуальности в системе социальных отношений того времени. В эту эпоху социальная идентификация личности строилась преимущественно на таких параметрах, как *религиозная или конфессиональная принадлежность; состояние "во владении"* (в подданстве, рабстве, на службе) у того или иного государства, государя, сеньора, хозяина; *сословное или кастовое происхождение; цеховая принадлежность; наименование местности*, откуда человек родом (или которая является его родовым владением); и наконец, *личное имя и прозвище* (или родовое имя у аристократов). Причем такие важнейшие маркирующие характеристики, как язык и социальные обычаи, в большинстве сословных обществ были сравнительно малозначимы с точки зрения различения людей на "своих" и "чужих". Редкие исключения из этого правила (Китай, Греция), где совершенное владение человеком местным языком и этикетными нормами рассматривалось как признак "цивилизированности", полноценной включенности в местную социокультурную среду, только подчеркивали преобладающую индифферентность к этим вопросам в других сообществах. Исключительная значимость *политико-конфессионального* аспекта в социальной идентичности человека еще четче обозначилась со сложением универсальных мировых религий (буддизма, христианства, ислама), теоретически вообще "отменявших" какие-либо этнические различия среди своих адептов.

РОЛЬ образования в национальном воспитании в рассматриваемую эпоху представляется столь же "размытой", как и само национальное чувство людей того времени. Во всяком случае очень трудно представить себе монастырскую школу, средневековый университет, медресе или домашнее воспитание и обучение в крестьянской, ремесленной и даже в аристократической среде, где бы учили "быть патриотом. любить свою Родину, хранить и развивать родную культуру и национальный язык". Понятие "Родина" относилось к местности или населенному пункту, откуда человек родом, и не имело национально-государственного смысла. Патриотизм был проявлением верности персонально хозяину, сеньору, государю. Этноплеменная история народов пассивно сохранялась в фольклорных преданиях, исторических хрониках и описаниях путешественников, но, судя по всему, почти не использовалась в образовательных процессах как малоактуальная. Лингвистическое обучение было связано по преимуществу с *культовыми языками*, имеющими непосредственное отношение к религиозной эрудиции обучаемого. В целом наиболее актуальным содержанием образования были *смыслы, образы, организационные формы и обряды религии*, приверженность к которой человек наследовал от своей семьи; *смыслы, этикетные формы и нормы поведения*, соответствующие его сословному происхождению и статусу; а также, разумеется, *профессиональные знания, навыки и умения*, связанные с его будущими социальной деятельностью и ролью. Именно религиозная и социальноповеденческая, ролевая адекватность человека среде его проживания и рассматривалась прежде всего как признак его вполне достаточной общей образованности.

Поскольку собственно этнические характеристики культуры порождаются главным образом стихийно формирующейся общностью *языка и обычаев* людей, то в эпоху, предшествовавшую становлению буржуазных наций, национальных государств и идеологий, эти параметры еще не обладали жесткой нормативностью в масштабах всего этноса, а существовали преимущественно в виде местных, цеховых, кастовых и

прочих вариаций некоторых общепринятых образцов, не отличались большой специфичностью в сравнении с этническими чертами культурно близких соседних народов, не были сопоставимы по своей социальной актуальности с политическими, религиозными и сословными регуляторами жизни общества и т.п. Может быть, поэтому черты как собственной, так и "чужой" этнической специфики и проблемы межэтнических отношений (в отличие от межгосударственных и межконфессиональных) в то время еще не могли быть в должной мере систематизированы и обобщены, а главное - отрефлексированы общественным сознанием настолько, чтобы стать предметом целенаправленного изучения в системе образования. Совокупность основных параметров и характеристик культурной компетентности человека в доиндустриальную эпоху сводилась главным образом к необходимости эрудированности в *религиозно-обрядовых* и *сословно-этикетных* составляющих образа жизни того или иного общества. В большинстве обществ этой эпохи органичное владение индивидом данными культурными образцами поведения автоматически придавало ему статус "своего" или по крайней мере "культурно-родственного" человека.

Ситуация с "национальным воспитанием" начала меняться на рубеже средневековья и Нового времени - с постепенным переходом на индустриальные технологии материального производства, Великими географическими открытиями, изобретением книгопечатания, Ренессансом, Реформацией, Просвещением, буржуазными революциями и т.п. Формирующийся новый тип социальной организации сообществ - тип **буржуазных** или **индустриальных городских цивилизаций**, основанных на снижении роли сословных, религиозных и иных ограничений в деятельности и более интенсивном использовании трудовых и творческих способностей людей, на условиях свободной конкуренции самореализующихся личностей, постепенном становлении всеобщей грамотности, росте объемов и динамики циркулирования информации, демократизации процедур самоуправления общества и прочее, создал и новый тип культуры - *национальный*. Разумеется, основой становления этого типа явилось формирование *наций* - коллективов сограждан государств (или их экономически самодостаточных регионов с выраженной этнической спецификой), объединенных общностью интересов не только *мемориального* (традиционного) и *актуального* (производственно-дистрибутивного), но также и *прогностического* характера, что, как правило, связано с целеустановкой на *прогресс*, на политико-экономическое и социально-культурное развитие и повышение благосостояния всей нации как целостности.

Национальный тип культуры отличается от сословного принципиально более высоким уровнем унифицированности своих черт и стандартизации параметров культурной компетентности человека в обществе. Это достигается прежде всего посредством *всеобщего просвещения* (начального или среднего образования), внедряющего определенные *национальные стандарты* общей научной, социальной и гуманитарной эрудированности личности, ее "рекомендуемых" мировоззренческих установок и ценностных ориентации. Другим важнейшим механизмом функционирования национальной культуры являются *средства массовой информации* (СМИ), формирующие в общенациональном масштабе общественное мнение, систему предпочтений, стереотипы поведения, вкусы, моду и т.п. (что возможно только в ситуации практической поголовной грамотности населения) и обеспечивающие совместно с *институтами политической демократии* обратную связь между обществом и властью. И наконец, еще один важнейший регулятор динамики национальной культуры - *культурная политика*, проводимая правящими элитами и преследующая цели манифестации стандартов социальной адекватности (соответствующих интересам и идеологии этих элит) в качестве эталонов социальной престижности, которые уже внедряются в сознание людей через каналы образования, СМИ, политической пропаганды, деятельность различных культурных институтов (сферы искусств и организованного досуга, музеев, библиотек и т.п.).

Конечно, это возникло не сразу. Становление первых наций в Европе и Америке в течение XVI-XIX веков протекало не только в борьбе с архаическими формами социальной организации, но и в ожесточенной конкуренции друг с другом за территории, капиталы, политическое доминирование, ресурсы. Это требовало серьезной социальной мобилизации обществ; и на раннем этапе формирования наций идейным основанием для такого рода мобилизации стали их *этническое самоопределение*, консолидация на основе лозунга "защиты национальных интересов", построения национальных (ориентированных на этнические ценности) культур и пр. Это породило в общественном сознании волну так называемого "национального романтизма", крайним выражением которого позднее стали национал-шовинизм и нацизм. Однако более или менее выраженные этноцентрические интенции были свойственны практически всем "национальным капитализмам" на ранних этапах их становления.

Рост интереса к проблемам этничности был связан также с колониальными завоеваниями и непосредственным столкновением европейцев с коренными народами других континентов, многие из которых находились на архаичных уровнях развития, что потребовало изучения этих этносов, сравнения их культур с европейскими, осознания собственной этничности как культурного феномена и пр. Все это прямо или косвенно способствовало росту национального самосознания формирующихся индустриальных наций, развитию их интереса к собственному прошлому, активизации исторических, археологических и этнографических исследований и т.п. Именно в XVII-XVIII веках наряду с "божественной" и естественной историей возникает как наука социальная история, начинаются системные лингвистические и фольклорные исследования, формируется интерес не только к "высокой" (стилевой), но и к народной художественной и бытовой (этнографической) культуре, в учебных заведениях помимо древних языков начинают изучать современные иностранные, а также собственный родной язык как специальную область знания и т.п. Привычный нам со школьных времен традиционный набор социально-гуманитарных дисциплин в системе образования фактически сложился именно в эпоху Просвещения и порожденного им "национального романтизма", идеологического самоутверждения молодых наций в осмыслении собственной истории и культуры.

Культурная компетентность личности эпохи "национального романтизма" имела выраженное тяготение к эрудированности в области национальной истории, литературы, искусства, мифологии и т.п. По существу, то, что мы сегодня называем "развитой гуманитарной культурой личности", складывалось именно под влиянием идей "национального романтизма" и основывалось прежде всего на хорошем знании истории (как ни парадоксально, но не столько в ее профессиональном научном, сколько в художественно-литературном изложении). Культурная компетентность описываемого типа - это сознание рядового (массового) обывателя, мистифицированное ничуть не меньше, чем у религиозных фанатиков "темного Средневековья", только предмет мистификации здесь уже несколько иной: "они" хуже "нас" не потому, что неправильно веруют в Бога или говорят на своем "дурацком" языке (это приобретенные, а следовательно, изменяемые в процессе миссионерской деятельности признаки), а потому, что имеют врожденные "плохие" черты - цвет кожи, форму носа и другие генетические признаки, потому что "у нас" власть принадлежит передовому классу или перспективной нации, а "у них" нет. Таким образом, культурная идентичность эпохи "национального романтизма" обрела все более агрессивный характер. Защита национальной самобытности становилась универсальным основанием для насилия по отношению к другим народам (точно так же, как в эпоху Средневековья таким универсальным основанием для массового насилия была "чистота" религиозного вероисповедания).

По существу, "национальный романтизм" и стал главной мировоззренческой основой содержания социально-гуманитарных дисциплин в национальных образовательных стандартах большинства индустриальных обществ Нового времени. Любой учебник по истории, литературе и иному гуманитарному предмету так или иначе убеждал уча-

щегося в величии его нации, героической и славной национальной истории, безусловной правоте и благородстве его народа во всех прошлых и настоящих деяниях, в страданиях и унижениях, которые он претерпел от своих соседей, в его выдающихся по своеобразию и мировой значимости культуре, литературе, искусстве и пр. При этом содержание учебных дисциплин строилось преимущественно на так называемой "конфронтационной солидарности" - консолидации на основе неприязни к другим, самооправдания за счет чьего-то обвинения, самовосхваления за счет чьего-то унижения и т.п. Разумеется, этнонациональная идеология развитых стран XVII - первой половины XX века не сводилась только к примитивному расизму и национализму. В общественной дискуссии на эту тему постоянно присутствовали и мотивы национальной толерантности, оправдывающие "цивилизаторскую миссию белого человека" за пределами Европы соображениями гуманности и помощи отсталым народам в их развитии. Популяризации идей интернационализма способствовал и пример национальной политики СССР (но крайней мере в демонстрируемых Западу ее достижениях), а также негативный опыт нацизма.

Опыт советского интернационализма по-своему любопытен. Реальная интернационалистская политика продержалась в СССР лишь на протяжении первых двух послевоенных десятилетий; к концу 30-х годов советская национальная идеология эволюционировала к традиционному государственно-патриотическому подходу с четкой иерархией статусов разных народов, приоритетов в отношениях к ним и т.п. хотя в большинстве случаев место того или иного этноса в подобной иерархии определялось, скорее, актуальными политическими соображениями, нежели национальными предубеждениями власти. Признавалось политически и идеологически резонансным сохранять, развивать и демонстрировать национальную культурную самобытность одних народов и одновременно способствовать скорейшей ассимиляции и уходу с "исторической сцены" некоторых других (видимо, политически неперспективных). От одной переписи населения к другой этническое многообразие населения СССР постоянно снижалось; но в этом также трудно усмотреть какую-либо субъективную неприязнь к "вычеркиваемым" народам, а только проявление циничной "политической целесообразности".

Таким же образом с позиций откровенного политического резонанса преподносилась этнополитика и в системе советского образования с конца 30-х по конец 80-х годов - вопросы "национальной самобытности культуры народов СССР", "культуры национальной по форме и социалистической по содержанию", "России - родины гениев и мировых научных открытий", а также принципиальные установки "сталинской национальной политики" (позднее без упоминания имени вождя, но с полным сохранением его идейного наследия) и т.н. Учебники были заполнены декларациями о процветающей в стране "дружбе народов", и в этом не было никакого лукавства, поскольку сама эта "дружба" трактовалась не как стихийный продукт исторического опыта народов, а прежде всего как протокольное "политическое мероприятие", отражающее "мудрую национальную политику партии".

Гораздо серьезней обстояло дело с такими составляющими социокультурной идентичности и правообеспеченности граждан СССР, как их *социальное происхождение* и *политико-идеологическая лояльность*. Первое сохраняло свою актуальность в вопросах обеспечения общегражданских прав личности по крайней мере до "хрущевской оттепели" 1950-х годов, а в вопросах приема в правящую партию, устройства на ответственную и идеологически значимую работу, в "эксклюзивном" доступе к дефицитным социальным благам и высокому социальному статусу фактически до "горбачевской перестройки" 1980-х. Политико-идеологическая лояльность, выражавшаяся в очень сложном и многоплановом комплексе демонстративных, ритуализированных действий человека в общественно-производственной сфере его жизни (идеологически лояльных и "грамотных" выступлениях на собраниях, участии в официальных политических мероприятиях и манифестациях, демонстративном атеизме, западноненавистничестве", а ранее - в известный период - добровольном доноси-

тельстве на идеологически "неблагонадежных" людей и т.п.). играла существенную роль в социально-статусном росте и устойчивости индивида на протяжении всей советской эпохи.

Бурные события XX века - мировые войны, коммунизм, нацизм, геноцид миллионов людей, массовая деколонизация 60-х годов и другое - существенным образом изменили отношение как к национальной, так и к социальной, религиозной и иной идеологически обоснованной розни между людьми в большинстве стран мира. Слово "национализм" стало почти ругательным. Интеллектуальная мысль в очередной раз в истории человечества активизировалась в поисках *неконфронтационных* форм социальной и национальной солидарности и *ненасильственных* методов разрешения социальных и национальных противоречий. Такого рода перемена в общественных целеустановках оказалась связанной с новым этапом технологической и социальной эволюции - постепенным переходом наиболее активно модернизирующихся сообществ на **постиндустриальный** уровень развития, самоорганизации и регуляции.

Принципиально важным событием, радикальным образом повлиявшим как на направленность социальной динамики сообществ в целом, так и на состояние национально-культурной сферы их бытия в частности, стала *информационная революция* второй половины XX века, в результате которой начали формироваться глобальные информационные сети, транснациональные мультимедийные системы и т.п. Нации, бывшие до недавнего времени сравнительно замкнутыми "информационными организмами", отгороженными от соседей языковыми, технико-коммуникативными, политико-идеологическими и иными изолирующими средствами самодостаточного бытия, стали в информационном смысле более открытыми. Соответствующим образом возросла их способность к взаимобмену культурными формами, новациями, опытом. Впервые в истории человечества появилась техническая возможность формирования не только региональных, но и общепланетарных коммуникативно-деятельностных систем, поначалу в узко специализированных отраслях знания и практики, а затем и в общедоступных областях социокультурной жизни (глобальная связь, масс-медиа, реклама, дистантное образование, полифункциональные информационные системы по типу Интернета и др.).

Размывание сословно-классовых социокультурных различий, существенно трансформировавшихся уже в период индустриальной цивилизации, вступило в новую стадию, характеризующуюся все большей дробностью и глубокой специализированностью социально-функциональной стратификации населения постиндустриальных обществ. Ныне такого рода стратифицированность уже фактически не определяется различием в происхождении людей и их материальном достатке. В современную эпоху социальная стратификация во все возрастающей мере определяется профилем, глубиной и качеством *образования*, получаемого каждым человеком персонально. А это создает принципиально новую ситуацию, практически не встречавшуюся ранее в истории: *социокультурная компетентность человека* впервые становится *персонализирующим* признаком его личности, *чертой его индивидуальности*, приобретаемой главным образом посредством образования и личного духовно-интеллектуального развития, а не в связи с происхождением или принадлежностью к той или иной социальной, этнической, конфессиональной и иной группе. Каждая личность во все большей мере становится автономным интерпретатором усвоенных и творцом новых культурных образцов (по крайней мере для персонального употребления), все менее ограниченной в этом праве какими-либо традиционными запретами (что не в последнюю очередь связано с ростом технических возможностей для такого рода культурной "монадизации" членов современного общества).

Впрочем, в социокультурном устройстве человечества, несмотря на наблюдаемую векторность глобального развития в направлении, называемом "цивилизационным прогрессом" (например, к постепенному усложнению социальной организации общества, его научно-технической обеспеченности, системы технологий, инструментария, инфор-

мационного и энергетического обеспечения в любых областях деятельности и т.п. уже давно подмеченную философами и антропологами-эволюционистами), на локальном, социально-практическом уровне постоянно наблюдается компенсаторная уравновешенность разнонаправленных тенденций. В наше время это проявляется, в частности, во взаимозависимости процессов углубления персональной культурной самодостаточности каждой личности и возрастания массовости в реализации различных форм социокультурной солидарности, росте культурной плюральности и релятивности, информационно-культурной глобализации всех форм жизни.

Одним из наиболее наглядных проявлений последней тенденции стала молодежная *массовая культура*, которая за последние три десятилетия фактически превратилась в образец "мультикультурности", гетерогенности как принципа развития, не стесненной никакими видимыми рамками национальных традиций и ограничений, возможностями синтеза и использования различных культурных форм, языков и стилей. Это в равной мере касается как источников подобного фактурного многообразия, так и границ распространения культурной продукции. Другой влиятельной тенденцией, имеющей схожую "мультикультурную" направленность и во многом определяющей развитие интеллектуальных рефлексий и художественных поисков последних двух десятилетий, является *постмодернизм*, сформулировавший теоретические основания понимания и интерпретации описанных выше тенденций культурного синкретизма, релятивизма, формально-стилевой всеядности, сугубой условности и конвенциональности культурных норм.

В соответствии с постмодернистской парадигмой мозаика исторических локальных культур и системность их самобытных черт являются случайными, фантомными, неоднородными, неустойчивыми, а то, что принято называть нормой и традицией, представляется в существенной мере плодом ангажированного воображения исследователей, абсолютизирующих *относительно* повторяющиеся явления в качестве *обязательно* повторяющихся, и т.п. В этом же ряду следует упомянуть и некоторые современные этнологические концепции, ставящие под сомнение сам факт существования этносов как реальных социальных групп и трактующие этничность как некоторую мозаику культурных черт населения определенной территории, произвольно выделяемую и субъективно описываемую этнографами ради удобства ее классификации.

Разумеется, рассматриваемым явлениям в современном мире сопутствуют и совершенно противоположные тенденции роста национального и традиционного самосознания, религиозного фундаментализма, взрыв этнического сепаратизма и экстремизма, распад многонациональных империй и федеративных образований и т.п. Не стоит забывать, что сегодня на Земле одновременно сосуществуют многие сотни человеческих общностей - наций, этносов, этнографических и племенных групп, находящихся на самых разных стадиях социальной эволюции, демонстрирующих нам буквально все когда-либо имевшие место в истории типы социокультурной организации и уровни развития. В их числе немало этносов, находящихся в переходных состояниях - в процессах становления сословных обществ на базе родоплеменной структуры типа "военной демократии" или буржуазных наций на основе феодальных народностей. Как правило, именно среди подобных групп и наблюдаются наиболее агрессивные проявления сепаратизма, национализма, фундаментализма и другие формы конфронтационного самоутверждения. Разумеется, из этого правила есть исключения, но они единичны.

Формирование и освоение новой, "постнациональной" картины мира в разных обществах и социальных стратах происходит очень неравномерно. Помимо той части молодежи, для которой такого рода культурная плюральность является одним из характерных маркеров групповой идентичности, в этой мультикультурной ситуации легче адаптируются люди, являющиеся высокоспециализированными профессионалами в какой-либо значимой отрасли знания и деятельности, имеющие опыт реального международного сотрудничества, обучения или работы за границей и т.н. Поэтому

описываемая картина мира в целом быстрее укореняется в обществах с более высоким уровнем профессионализации и специализации (а следовательно, и образованности) населения, более вовлеченного в международное разделение труда, там, где знания и технологии, экономические и информационные потребности, социальные и эстетические интересы людей действительно не имеют национальных границ. В таких обществах высококлассные специалисты, как правило, ведут довольно мобильный образ профессиональной деятельности, не только постоянно бывая в зарубежных командировках, но и неоднократно подолгу работая в разных странах, где на их профессионализм имеется спрос. Таким образом, складывается новое понимание категорий "космополит" и "гражданин мира". Это уже люди не "вне наций", а высокоспециализированные профессионалы "интернационального применения". Следует учитывать и то, что высокоразвитые страны являются основными зонами притяжения потоков эмиграции (как из стран "третьего мира", так и широчайшего обмена специалистами между собой), так что ситуация "вавилонского смещения" племен и языков там имеет наиболее практическое выражение.

Таким образом, перед современным обществом раскрываются *три подхода* к формированию основополагающих характеристик культурной компетентности, которые неизбежно затрагивают и содержание образования как чрезвычайно значимого механизма формирования и социального воспроизводства этого общества, и глубинные основания национальной политики, принятой в данном обществе в целом.

Первый из них можно назвать *донациональным*, традиционалистским или этнографическим. С позиций этого подхода культура трактуется как сумма фольклорных обычаев и традиций повседневной жизни преимущественно сельского населения, при этом сами этносы рассматриваются как чисто декоративные образования ("хранители народных обрядов и ритуалов"), не имеющие никаких специфических политических интересов и способные легко вписаться в любую политико-идеологическую схему, которую им предложат исторические обстоятельства (властители, правящая элита и т.п.). Главные свойства, которые при этом желают видеть в культуре, - абсолютная традиционность, консерватизм обычаев и обрядов, отторжение любой социальной модернизации. Это подход в существенной мере характерен для дореволюционной национальной политики России и возрожден в 30-х годах в СССР в ритуальной "дружбе народов", нацеленной на контролирование реальных политических и социально-экономических противоречий между социальными и этническими группами. Воспитание учащихся в ключе подобного понимания культуры в целом и "национального вопроса" в культурном развитии в частности ориентировано на отождествление *национального* и *этнографического*, утверждение приоритета фольклорной (этнографической) культуры над специализированной (элитарной, профессиональной), на определение функций культурной жизни прежде всего как системы воспроизводства традиций, на охрану художественного и этнографического наследия. Отношение к социальным, религиозным и даже политическим аспектам культурного бытия людей также регулируется степенью их традиционности, пластичности, идеологической пассивности. Вместе с тем нельзя не отметить и хорошо развитую в этом подходе теорию сохранения реликтовых этносов вместе с кормящей их природной средой, т.е. принцип резерваций, удачно зарекомендовавший себя в случаях с архаическими обществами, зависимыми от устойчивости ландшафтных условий обитания.

Второй подход является собственно *национальным*. В его основе лежит большая или меньшая по выраженности *абсолютизация этнокультурных и религиозных различий* между народами в их социально-экономических, политических, идеологических, ценностных и прочих интересах и такая же *абсолютизация социально-классовых противоречий* между разными стратами внутри каждого народа, а главное - сомнение в возможности "стратегического компромисса" между этносами и классами в этих вопросах. Крайними проявлениями такого подхода являются нацизм и большевизм, более умеренными - разного рода "почвенничество", "национал-патриотизм", "комму-

низм", "государственничество" и т.п. В конечном счете именно эта социально-национальная идеология (при разных уровнях своего радикализма) обычно свойственна формирующимся и развивающимся буржуазным нациям и до последнего времени являлась наиболее типичной при рассмотрении вопросов национальных и социальных отношений в содержании образования большинства стран. Сегодня ведущими интеллектуальными авторитетами мира эта идеология признается не только безнравственной, но и противоречащей тенденциям развития человечества, постепенно пре-вращающегося в *системное содружество наций*.

Третий подход - *постнациональный*. В его основе лежат такие рассмотренные выше принципы, как неконфронтационная солидарность людей: объединение человечества вокруг общих ценностей перед лицом грозящей экологической (военной и техногенной) катастрофы; отношение к этносам и социальным стратам как к носителям локальных комплексов исторического социального опыта, очень различающихся, но принципиально не противоречащих друг другу, доступных пониманию со стороны, совместимых, синтезируемых в своих культурных чертах и т.п.; доминирующая толерантность, плюрализм и релятивность во всех вопросах *культурной формы* (в отличие от системы *культурных содержаний*, в целом остающейся на просищенческо-прогрессистских позициях) и эклектичная мультикультурность как принцип формообразования; "отмена" национальности в качестве одного из "публичных" маркеров социальной идентичности человека, "вытеснение" этого вопроса в область частной жизни индивида (так же как вопросов его социального происхождения, религиозной веры, идеологии и членства в политических партиях, состояния в браке) и пр. Разумеется, все эти идейные установки вполне тривиальны и разрабатывались многими поколениями мыслителей на протяжении тысячелетий. Просто, как уже говорилось выше, благодаря "информационной революции" и переходу к постиндустриальным технологиям производства, управления и коммуникации у человечества впервые возникла техническая возможность реализовать по крайней мере некоторые из идей подавления конфликтогенного потенциала этничности.

Вместе с тем при всей важности этнонационального аспекта в становлении культурной компетентности граждан того или иного общества не менее значимой остается и социальная стратифицированность этого общества. Разумеется, в современных индустриальных и тем более постиндустриальных обществах социальная структура весьма далека от прежних сословно-классовых характеристик. Здесь, скорее, следует говорить о группах, полностью инкультурированных в задаваемые в данном обществе образцы социокультурной адекватности, и группах мигрантов, "внешнего пролетариата", находящегося на различных стадиях ассимиляции и инкультурации в стране пребывания. Существенную роль в управлении этими процессами играет общая тенденция западных обществ в выработке так называемых "мягких технологий социального взаимодействия", выражающихся порой в парадоксальных проявлениях пресловутой политкорректности (особенно в ее национально-расовом проявлении), заметного в последние годы смягчения жесткости политико-идеологической пропаганды (не только в ее антикоммунистическом аспекте, что уже потеряло практическую актуальность, но и пропаганды западного образа жизни как единственно достойного, правильного и т.н. к

В России ситуация с этими вопросами усложняется в связи с фактически деградировавшей прежней системой социальной структуры общества, сломом прежних путей и каналов осуществления социальной мобильности населения, трансформацией прежних элит и не наладившейся системой их воспроизводства, а также еще практически не сформировавшейся новой структурой социальных страт. В этих условиях говорить о каких-либо параметрах общенациональной культурной компетентности для большинства российского населения не приходится. Даже такое важное средство выравнивания черт культурной адекватности, как государственные образовательные стандарты, в очень небольшой степени способны повлиять на эту ситуацию, поскольку в качестве общенациональной нормы задает параметры гуманитарной эрудиции интеллигентской субкультуры.

Из мирового опыта известно, что интеллигентская субкультура по определению не может стать общенациональным и общесоциальным образцом, хотя в рамках российской национальной традиции понятие "культурность" человека в существенной мере сводится к уровню его гуманитарной эрудированности (в отличие от западной традиции, где "культурность" - это прежде всего социальная адекватность и воспитанность, соответствующая реальному социальному статусу личности). Специалистам памятли попытки советской культурной политики сталинских и отчасти хрущевских времен использовать городскую интеллигентскую субкультуру как основу для формирования общесоветской "народной культуры"; из этого ничего не получилось. Можно заставить все население страны поголовно получить среднее и даже высшее образование, возить колхозников автобусами в Большой театр, вменить пионерам изучение пушкинского "Евгения Онегина" наизусть, но даже это не делает из населения страны нацию сплошных интеллигентов.

Интеллигентность - в ее социально-функциональном преломлении - это *интеллектуальная специализация* сравнительно небольшой группы людей, особо талантливых, образованных, широко эрудированных и специальным образом мотивированных на рефлексию и формулирование тех самых "правил игры" социального общежития, о которых шла речь в начале статьи. Это особенный (эксклюзивный) социальный заказ, распространяющийся на очень небольшую часть населения. Ни одно общество не может позволить себе специализировать на этой рефлексии более 5-10% граждан. Ни в одной нации не найдется большего процента людей с требуемым уровнем природных интеллектуальных способностей, с соответствующей креативной психоэнергетикой, уровнем социальных амбиций и т.п., и соответственно интеллигентская субкультура не может быть актуальной даже для большинства городского населения.

В отсутствие среди населения России сколь-либо заметного "среднего слоя" - по материальному достатку и социальным притязаниям - проблема формирования параметров общенациональных стандартов социальной адекватности и культурной компетентности приобретает несколько виртуальный характер. Теоретически эта задача должна решаться в рамках двух параллельно развивающихся тенденций. Во-первых, в виде стихийного процесса нормативно-ценностной адаптации населения к реалиям социально-экономического состояния общества. Какие бы великодержавные амбиции ни волновали умы и сердца наших сограждан, совершенно очевидно, что рано или поздно эти амбиции подвергнутся существенной корректировке на основании признания реальных возможностей страны с точки зрения ее места в общем мироустройстве. Только люди с расшатанной психикой могут претендовать на великодержавный статус при том уровне экономического достатка, который в настоящее время наблюдается в стране. А это в свою очередь вызывает определенные социальные ожидания от жизни и предъявляет культурные требования к себе и окружающим, которые и станут наиболее объективным выражением исторически возможной (на данном отрезке времени) культурной компетентности основной массы населения. Разумеется, интеллигенция сохранит культурный уровень, отражающий пиковые достижения общества в прошлом, и будет беречь его "до лучших времен". И во-вторых, параметры исторически и социально доступной для данного времени культурной компетентности должны рефлексироваться, выстраиваться, формулироваться в ходе усилий специалистов, профессионально отслеживающих социальные процессы в стране и стимулирующих скорейшее созревание и внедрение необходимых ценностных ориентиров в массовое сознание, трансляцию их подрастающим поколениям посредством воспитания и образования.

Собственно, это и есть основная задача *специалистов-культурологов*, которых следует готовить не столько для охраны художественных ценностей (для этого есть искусствоведы), а именно для работы с проблемами формирования черт и параметров культурной компетентности людей разных национальностей и социального положения, но живущих в одной стране, по единым законам и - желательно - в единой культурно-ценностной системе. Совершенно очевидно, что понимаемая в таких социальных функ-

циях культурология наиболее естественным образом тяготеет именно к системе образования. В каком-то смысле культурологию можно рассматривать как науку, родственную и идеологии, и педагогике одновременно: **идеология** задает *эталонные (теоретически предпочитаемые) образцы социальной адекватности* - нормы приемлемых для общества уровней общекультурной эрудированности, социальных притязаний, образцов престижности и допустимых средств конкурентной борьбы за них, т.е. совокупность параметров *социокультурной компетентности* личности, живущей в данном обществе; **педагогика** разрабатывает *методы трансляции* людям актуальных образцов этой социокультурной компетентности, а **культурология** призвана *систематизировать структуру и содержание* этой социокультурной компетентности, которая манифестируется идеологией и транслируется методами педагогики. К сожалению, до подобной образовательной идиллии еще далеко; но развитие культурологии в целом, как представляется, идет в том числе и в этом направлении. А это вселяет надежду, что профессиональная рефлексия на феномен культурной компетентности и социальной адекватности современной личности может быть востребована обществом.

© А. Флиер, 2000